

господин литератор Газета-2005. — 20 апр — 24.

“Я могу варить из исторических сухофактов любой компот”

Борис Акунин — Газете

Завтра в широкий российский прокат выйдет новый (уже третий по счету) фильм по произведениям Бориса Акунина о сыщике Эрасте Фандорине «Статский советник». Накануне скрывающийся за псевдонимом Акунина литератор и переводчик Григорий Чхартишвили ответил на вопросы корреспондента Газеты Кирилла Решетникова о литературных стратегиях, вымысле и правде.

В ваших романах, при всей их историчности, главным героем является вымышленный персонаж. Вам никогда не хотелось написать роман о реальном историческом лице?

Это был бы другой жанр. Даже два других жанра. Первый — нон-фикшн. Он мне интересен, и я подумываю о том, чтобы (в качестве не Акунина, а Чхартишвили) написать документальную биографию одного исторического деятеля (пока не скажу кого), на примере жизни которого можно было бы многое понять про Россию, про природу власти, про метаморфозы времени. Второй жанр, требующий большей исторической достоверности, чем мои «фанфантюльпаны», — это историческая эпопея. Тоже интересно было бы попробовать. Приберегаю для своей серии «Жанры». Много, очень много витает в эфире ненаписанных книжек, которые так и просятся на бумагу. Времени не хватает. Я и так слишком за многое хватаюсь.

Вы всегда так или иначе преобразуете историческую реальность. Что для вас важнее — освоить эту реальность или предложить читателю ваши собственные идеи?

Важнее всего атмосфера, в которую ты погружаешь своего читателя. Прочее второстепенно. Идей я читателю никогда не навязываю, наоборот, предлагаю в ассортименте — на выбор, для сравнения и обдумывания.

Для вас важна работа с документальными историческими материалами?

Очень важна. Я могу варить из исторических сухофактов любой компот, но при этом должен очень хорошо знать, как оно все там было на самом деле. Ну и потом, это просто интересно, самая увлекательная часть работы: читать мемуары, дневники, архивные документы.

Фандорин — это чисто литературный, концептуальный образ или у него есть исторические прототипы?

Фандорин — образ, прототипы которого обретаются не в истории, а в литературе.

В ваших книгах есть яркие примеры воссоздания эпохи через язык и стиль речи персонажей. Как вы в принципе относитесь к стилизации и к современным опытам в этой области — например, к «Вольтерьянцам и вольтерьянкам» Аксенова?

К стилизациям отношусь по принципу булгаковского персонажа: кароший люблю, плохой — нет. Роман Василия Аксенова не читал. У меня с прозой Аксенова особые отношения. Когда-то, много лет назад, тексты этого автора были для меня очень важны. Они многое мне дали, многому научили. Я не хочу читать новые книги Аксенова — не потому, что подозреваю их в некачественности, а потому, что они наверняка совсем другие. Мне не нужны «другие книги Аксенова». Я боюсь, что они повредят моим воспоминаниям о красивом фуражке, затоваренной бочкотаре и поисках жанра.

Представляете ли вы себе прозу, в которой язык был бы основным носителем исторической достоверности?

Представляю, но не люблю. Для меня в прозе важнее всего сюжет и идеи. Если важнее всего язык, то это уже стихотворение в прозе.

Цените ли вы дидактическую, познавательную составляющую в исторической литературе и фантастике? Продуктивна ли сегодня, на ваш взгляд, классическая жюль-верновская модель — l'amusement qui instruit?

Ну да, что ж в этом плохого, если без занудства. Уж во всяком случае лучше, чем l'instruction qui amuse.

Невымышленными персонажами «Кладбищенских историй» стали Уайльд, Салтычиха и Маркс. Почему именно они?

Каждая из этих фигур оказалась мне «ключиком» к данному кладбищу. Объяснять не буду. Кому интересно — пускай прочитает и сам подумает.

В «Фантастике» фантастическое соединено с авантюрным и помещено в тщательно про-

работанный исторический контекст. Та же «схема» налицо в сорокинском «Пути Бро». Показался ли вам интересным этот роман?

Да. Всегда интересно, когда талантливый человек не успокаивается на достигнутом, а ищет новые формы. Мне и Пелевина последняя книжка понравилась.

Совмещение реального и вымышленного имеет большой сатирический потенциал. Привлекает ли вас сатира в чистом виде?

Не особенно. То есть как потребителя — да, как производителя — нет. Не имею дара к этому виду литературной активности. Увы.

Непринужденная интерпретация важнейших исторических событий через беллетристический вымысел часто дает пародийный эффект и вызывает ассоциации с анекдотом.

Значимы ли для вас традиции пародии и анекдота, бывшего, к примеру, в XIX веке особым литературным жанром?

Анекдот — не как хохма, а как короткий рассказ о примечательном лице или событии. Вы ведь это имеете в виду? Тогда куда ж нам, историческим беллетристам, без анекдотов. Ими питаемся, на них живем. Что же до пародий — не поклонник. Это не романский жанр, он не терпит странности. Сбить с толку читателя какой-нибудь деталькой, намеренным анахронизмом или игрой в аллюзивную «угадайку» — другое дело.

Насколько пристрастно вы оцениваете фактологическую проработанность, когда читаете других авторов?

Зависит опять-таки от жанра. Если «Три мушкетера» — наплевать. Если есть претензия на достоверность, как у Суворова или Пикуля, то придирчиво.

Григорий Чхартишвили: «Идей я читателю никогда не навязываю. Наоборот, предлагаю в ассортименте»
Фотограф: Франк Вильягра / Газета

газета

продолжение следует

Беллетрист, переводчик и эссеист Григорий Чхартишвили родился в 1956 году в Грузии. С 1958 года живет в Москве. Выпускник историко-филологического отделения Института стран Азии и Африки при МГУ. Бывший заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература», главный редактор 20-томной «Антологии японской литературы». Автор эссе, критических статей и многочисленных переводов художественной прозы с японского и английского (Юкио Мисима, Кобо Абэ, Малкольм Брэдбери, Питер Устинов). В 1998 году впервые выступил под псевдонимом Борис Акунин, выпустив роман «Азазель» — первую книгу суперпопулярной серии об Эрасте Фандорине, за которой последовали другие серийные проекты («Провинциальный детектив», «Жанры»). Автор книги «Писатель и самоубийство» (1999), лауреат премии «Антибукер» 2000 года за роман «Коронация».